

Устойчивость исходных элементов планировок в ходе преобразования российских городов в регулярные формы¹

**Быстрова
Татьяна
Юрьевна**

доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), главный научный сотрудник, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» УралНИИпроект, Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: taby27@yandex.ru

Проанализирован опыт трансформации в XVIII веке планировок ряда российских городов, доказывающий необходимость и возможность использования семантически и функционально значимых элементов города при его переходе на следующий уровень развития в качестве своеобразных «опорных точек» новой структуры. Представлен генезис теоретико-методологических подходов к развитию города через работу с его формой плана, подчеркнута важность видения города как сложно организованного многоуровневого целого в ходе этого процесса. Выделены актуальные до сегодняшнего дня приемы работы архитекторов и градостроителей с такими элементами, концентрирующими в себе историю и идентичность города.

Ключевые слова: планировка города, форма плана, элемент, регулярная планировка, композиция, сложная система, целостность, трансформация, устойчивость.

Bystrova T. Yu., Mazaev G. V.

Stability of initial plan elements during the transformation of Russian cities into regular forms

The experience of transforming the city plans of several Russian towns in the 18th century is analyzed, proving the necessity and possibility of using semantically and functionally significant elements of the city during its transition to the next level of development as unique «reference points» of the new structure. The genesis of theoretical and methodological approaches to city development through work with its plan form is presented, and the importance of seeing the city as a complexly organized multi-level whole in this process is emphasized. The architectural and urban planning techniques by the work with such elements that concentrate the history and identity of the city, which are relevant to this day, are highlighted.

Keywords: city plan, plan form, element, regular plan, composition, complex system, integrity, transformation, stability.

**Мазаев
Григорий
Васильевич**

кандидат архитектуры, профессор, академик РААСН, главный научный сотрудник, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» УралНИИпроект, Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: uro-raasn@mail.ru

Введение

Тема градостроительного наследия более активно начала разрабатываться только в последние годы. Как показывает, к примеру, портал Academia, число статей растет быстрыми темпами после многих лет практически полного молчания (Иллюстрация 1).

Детальный обзор публикаций по городскому наследию (формулировка иная, но она близка нашей) проведен в [17]. Обращает на себя внимание малочисленность публикаций, связывающих наследие и ценности. Кроме того, из 108 анализируемых авторами публикаций только шесть связывают наличие наследия с потенциальным городским развитием [17, 3].

Развивая тему охраны и развития градостроительного наследия, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о том, что именно и почему необходимо выделять в качестве особенно ценного и значимого компонента [12]. Гипотеза авторов статьи обусловлена, с одной стороны, опорой на исторический опыт преобразования российских городов XVIII в. в регулярные формы, с другой стороны, — активно разрабатываемой сегодня теоретиками и практиками идей о наличии некоторых ключевых градостроительных элементов, обеспечивающих единство и идентичность каждого конкретного города как сложной многоуровневой системы.

Нас интересует не статичный и абстрактный вопрос о том, как сохранять исторический город, а проблема того, как, узнавая, развивать исторические структуры в единстве паспортизованного и иного градостроительного наследия. Среди российских специалистов первым

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке темы фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН 2.2.5.1. «Сохранение и актуализация памятников градостроительства как часть процесса развития современных российских городов».

Иллюстрация 1. Количество статей по теме памятников градостроительства с 1988 по 2023 г. Данные портала Academia. Май 2024 г.

по этому пути идет, вероятно, Н. П. Анциферов (1889–1958), заявивший в 1926 г. о комплексном рассмотрении города как связей между его элементами [3, 3]. Именно он применяет такие концепты, как город — «одно неразрывное целое со своим населением» [3, 17], это — органическое целое, «ландшафт города — свидетельство о связи времен» [3, 136] и т. п., актуализованные в работах урбанистов и градостроителей рубежа XX–XXI вв. Кроме того, Н. П. Анциферов выделяет исторические «кристаллизующие ядра», в которых чаще всего возникали города. Это высокий холм при слиянии двух рек, где ставится кремль; монастырь, «замещающий собой кремль»; крепость; рынок [3, 37–41] (заметим, что специально подбираемый под поселение ландшафт в этом списке упоминается лишь однажды, хотя факты истории многократно свидетельствуют об опытах такого выбора в зависимости от характера поселения). Он говорит о пространстве за пределами застройки как обязательной, едва ли не самой важной части города [3, 64–80]. При этом никаких практических рекомендаций — по понятным причинам неразвитости в то время теории и практики — книга еще не содержит, как бы намечая перспективу их развития.

Это развитие обеспечивается в 1990-х гг. целым рядом публикаций, забытых сегодня, но не утративших эвристической и методологической значимости. Так, В. Л. Глазычев и его соавторы в 1995 г. заявляют необходимость использования теории сложных систем при планировании города и управлении им [4, 7]. Об этом же позже говорят представители «нового урбанизма», сторонники концепций устойчивого города и фрактально-города, девелоперы и экономисты. В. М. Возлинская указывает там же, что «разрушение градостроительных традиций путем внедрения в историческую среду чуждых объемных и планировочных сооружений взрывает единое городское образование» и что подобные решения обусловлены «установкой соответствующих государственных институтов на то, что ценность поселения определяется лишь наличием в нем «памятников архитектуры»» [4, 106]. А. Г. Мазаев и Г. В. Мазаев показывают уникальность «идеальных» городов России в контексте мировых урбанизационных процессов [9]. Названные подходы отчетливо контрастируют с довольно широко распространенной в том числе и в современной практике темой зонирования, удобной с управленческих позиций, но препятствующей видению города как уникального целого (включающего и ландшафт).

«...Принцип четкого обособления частей, столь удобный для разбивки градостроительного рисунка, может приводить к достаточно плачевным результатам», — отмечает К. Линч в середине XX в. [8, 94]. Сегодня выделение «исторических островов» (А. В. Лейзерова), «дистриктов» (В. Гинтинг, В. Н. Раман), «исторических зон», «зон охраны достопримечательных мест» [2, Т. 2, 20], «территории достопримечательных мест» [Там же, 22] и других подобных частей, при всей позитивности намерений инициаторов, свидетельствует о недооценке целостности городской планировки. В большей мере она учитывается при реализации моделей культурного ландшафта, выбранной ЮНЕСКО в 2011 г. в качестве основной [16]. К ней ближе всего, на наш взгляд, концепция локальных исторических комплексов С. А. Агеева, специально оговаривающего необходимость развивать не только элементы центральной части, но за ее пределами, если они обеспечивают своеобразие конкретного города [1]. Оба концепта предусматривают не столько вычленение какого-то элемента или нескольких элементов, сколько их развитие, раскрытие, воспроизведение их семантики и структуры в новых условиях.

Специфика действий российских специалистов в отношении объектов архитектурного наследия на протяжении последних полутора веков характеризуется порой как недостаточная внимательность к подлинности объектов и их реальных физических параметров [12, 27]. Для исторической основы города она оборачивается произвольными решениями, приводящими к утрате замечательных — выверенных и найденных опытным путем — градостроительных решений. При этом социологи выводят так называемый «закон непредвиденных последствий», действующий в случаях поверхностной реновации, почти неизбежно приводящей к формированию маргинальных пространств [5, 286, 235].

В некоторых случаях мы видим демонстрацию позитивного намерения, но без указания артикулированных действий. Так, в Ижевске «создатели генплана предлагают сохранить историческую планировку центра — улиц, площадей, ансамблей, садов и парков, высотных доминант, ценных средовых фрагментов застройки при проведении современных градостроительных мероприятий»².

Иной подход показывает российское градостроительство Нового времени, когда, в особенности благодаря позиции Екатерины II, происходила смена типа планировки, зачастую включавшей в себя на новом этапе то лучшее и специфичное, что сложилось прежде. Именно этот материал и анализируется в данном тексте.

Методология работы

Увидеть и объяснить логику исходных структур городов в единстве материального воплощения и «функций, идей, ценностей» в книге «Совершенная форма в градостроительстве», известной гораздо менее «Образ города», попытался Кевин Линч, тогда как до него Ф. Л. Райт или Корбюзье были больше озабочены формулированием концепта — а не плана города. Американский архитектор задается вопросом о том, «почему люди создали именно такую градостроительную форму», требуя, в свою очередь, понимания того, как «обитатели пространственной формы переживают ее в ходе повседневного существования» [8, 41].

Видя больше и детальнее, чем просто сетку улиц, К. Линч настаивает на отказе от метафор («город-организм», «город-машина») из-за их неадекватности ре-

2 Новый генплан Ижевска. В какую сторону будет развиваться центр города // Сусанин. URL: https://susanin.news/longreads/noviy_genplan_izhevskaya (дата обращения: 10.06.2024).

альным городским процессам и подчеркивает, что новые функции и ценности, проявляющиеся в форме города, проступают при изучении форм освоения территории, рассматриваемой в единстве физико-географических, социально-политических, экономических аспектов. Например, К. Линч показывает, что города-колонии на неосвоенных землях и в противопоставлении туземному населению (Чан-Чан в Перу, греческие колонии Средиземноморья — Неаполь, Олинф) близки по структуре военному лагерю: имеют прямоугольную структуру и безотносительные к топографии места вытянутые кварталы с узкими проулками [8, 23]. Тогда как город-колония внутри густонаселенной местности (Нью-Дели, Мексико-сити, Иоханнесбург) будет иметь две части — для «господ» и для местных жителей, первая из которых максимально приближена к исходной традиции.

Важно, что К. Линч понимает развитие как «сохранение преемственности целого во времени и пространстве» [8, 109]. Он выделяет ряд показателей качества городской среды (жизнепригодность, осмысленность, соответствие, доступность, контроль), опираясь на которые, современные специалисты могут принимать определенные решения. О целом же, подчеркивая его индивидуальность и уникальность, говорят и другие архитекторы, урбанисты, культурологи — М. Вебер, С. Касаткина [7], А. Лефевр, Ю. М. Лотман, М. Мехаффи, А. Росси [11, 18], Ч. Лэндри и др. В этом случае для некоторых из них «тип» становится идеей или моделью, «логической конструкцией, предшествующей форме» [11, 27], получающей индивидуальную реализацию в каждом отдельном случае.

Помимо акцента целостности и индивидуальности, К. Линч признает, что в основаниях ранних городов сконцентрирован первоочередной для любого человека опыт выживания. Задаваемое им в итоге триединство *функций, идей и ценностей*, формирующих город и транслируемых им, базируется на понимании связи пространственного устройства с действиями людей. Близкий к этому подход находим у Г. П. Щедровицкого, который, наряду с теорией систем, предлагает разделение городского пространства на структурный и семиотический компоненты (цит. по: [13, 44]). Эти подразделение помогают анализировать градостроительные трансформации XVIII в. в России.

Выбор городов происходил с учетом имеющихся материалов по их истории, в том числе упоминаниях в текстах других исследователей, особенно Л. М. Тверского [14], зафиксировавшего большое количество планов российских городов до их регулярной перепланировки в XVIII в.

Анализ перепланировок российских городов во второй половине XVIII в.

До начала регулярной перепланировки в Новое время российские города имели планы разной формы, чаще складывавшейся спонтанно. А. М. Тверской пишет, что в 1760-х гг. «планы русских городов, снятые с натуры до их реконструкции, содержат наложения за весь период их исторического развития, в который следует включить и несколько десятилетий XVIII в.» [14, 5].

Опыт перепланировки не всегда логичен. Например, план Ярославля до пожара 1768 г. и перепланировки имел сложную, близкую к радиальной форму с двумя векторами развития, шедшими от ядра старого города вдоль рек Волги и Которосли. По проекту 1778 г., выполненному И. Е. Старовым и утвержденному Екатериной II, вся застроенная часть за пределами полукольца старого города приведена к регулярной квадратной планировке со сплошной застройкой. Но в ней появляются элементы радиальной формы — круглая площадь с пятью радиальными улицами. Старый город также подвергся перепла-

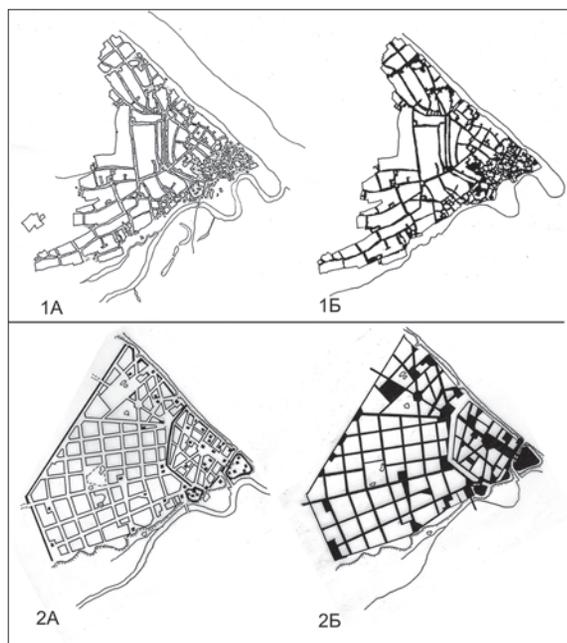

Иллюстрация 2. Изменение планировочной структуры Ярославля при перепланировке в регулярную форму: 1А — планировочная структура Ярославля до пожара 1766 г.; 1Б — уличная система Ярославля до пожара 1766 г.; 2А — регулярная планировочная система Ярославля по проекту 1778 г.; 2Б — уличная система Ярославля по проекту 1778 г. Авторский рисунок Г. В. Мазаева. 2024 г.

нировке без учета исторической формы: кольцевая структура заменена на прямоугольную систему с трехлучием, правда, незавершенным (Иллюстрация 2).

Схожую ситуацию видим в Муроме, автор которой не учел только начавшую складываться кольцевую систему. В результате перепланировки «четкая, исторически сложившаяся радиальная сеть города... оказалась разбитой на прямоугольные кварталы» [14, 112–114]. В Путивле — план 1784 г. — квадратная сетка улиц идет «по живому», вообще ничего не учитывая [14, 132].

Более удачен город Галич, где нерегулярная планировка, существовавшая до пожара 1773 г., приведена к регулярной. При этом форма плана осталась сложной. До регулярной планировки город был сильно вытянут вдоль озера, основные улицы, параллельные берегу, формировали кварталы «свободных очертаний» [6], запутанную уличную сеть с тупиковыми проездами. Регулярный план не только частично выправил улицы, но упорядочил город, радикально изменив планировку: появились главная осевая улица с выходом на набережную, прямоугольные, или приближенные по форме к прямоугольным, кварталы, радиально-лучевая планировка у центральной площади города (Иллюстрация 3). Интересно, что первоначальный регулярный план строился на неточных топографических данных, а по мере их уточнения «утратил идеализированную геометрическую четкость» [6], но сохранил в качестве «опорных точек» кремль и несколько храмов, имевших важное значение и для горожан, и для предшествующего плана города. Такими же точками могли быть берег реки, в особенности, если она судоходна или на ней была набережная (город Зубцов [14, 112]), места выхода из города значимых дорог и т. д.

Показателен момент произвольного выделения структурно и семантически значимых мест даже в неудачных решениях. Город Чугуев с запутанной планировкой из участков самых разнообразных форм и размеров получает новую регулярную строго геометричную пла-

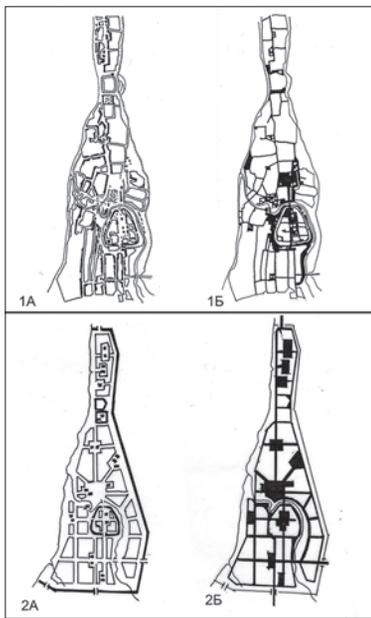

Иллюстрация 3. Изменение планировочной структуры Галича при перепланировке в форму: 1А — планировочная структура Галича до пожара 1773 г.; 1Б — уличная система Галича до пожара 1773 г.; 2А — регулярная планировочная система Галича по проекту конца XVIII в.; 2Б — уличная система Галича по проекту конца XVIII в. Авторский рисунок Г. В. Мазаева. 2024 г.

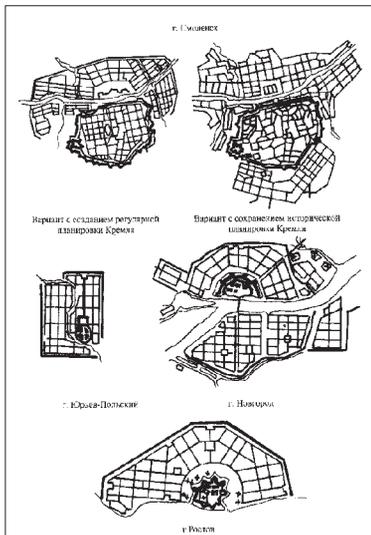

Иллюстрация 4. Включение исторических объектов в регулярные планировки городов: Смоленск, Юрьев-Польский, Новгород Великий, Ростов Великий. Рисунок Г. В. Мазаева. 2022 г.

нировку. Единственное, что можно отнести к учету исходного плана, — ориентация центральной улицы на существующую церковь. В городе Лух, где ни одна улица до-регулярного плана не вошла в регулярный, учтены только три здания церквей и старинная крепость с земляным валом и рвом.

Объекты разного масштаба с ярко выраженными функцией, идеей и ценностями (если использовать терминологию К. Линча), даже в условиях пока еще недостаточно развитого архитектурно-исторического сознания у специалистов, учитывались регулярной планировкой, получая в ней новое общегородское значение. Они часто входили в новое решение городского центра, подталкивая архитекторов к поиску оригинальных планировочных приемов. Приведем несколько примеров, выбирая не слишком крупные и не имеющие значимой исторической застройки города, как Новгород Великий или Владимир.

В центре города Белев сохранилось старое городище с валами, обозначенное в экспликации «высочайше утвержденного» плана 1779 г. В новой регулярной планировке было создано трехлучие, один из лучей ориентирован на городище как важный градостроительный элемент. Перед городищем создана большая площадь трапециевидной формы, которая подчеркивает его значение и способствует «переводу» планировки в регулярную. Правда, после жесточайшего пожара 1801 г. регулярную застройку пришлось начинать заново³.

В городе Сумы сохранил старейший земляной вал, который охватывает семь кварталов регулярной застройки. В плане Коломны, который весь приведен в регулярную форму, сохранил кремль сложной многоугольной формы. Перед ним созданы прямоугольные площадки, создающие пространственный переход между до-регулярными и регулярными планировочными формами. Земляной вал в плане овальной формы, повторяющем изгиб речки, сохранил в Галиче. Планировка внутри вала изменена на регулярную. Перед валом создана обширная квадратная площадь, а застройка вокруг речки и валов имеет овальный отступ, создавая гармоничную композицию, в которой учтены исторические и природные элементы городской среды.

В плане Троицка (Пензенское наместничество) часть города, обнесенная старым земляным валом, составляет почти треть городской застройки. Планировка города распалась на три части, расположенные вокруг обширной ярмарочной площади, но все они — как старая внутри вала, так и новые на свободной территории, — приведены к регулярности.

³ Белевский район: офиц. сайт муниципального образования. URL: <https://bелеv.tularegion.ru/city/story/> (дата обращения: 19.07.2024).

Старинная крепость стала центром Кулянска: вся планировка города, имеющая веерную форму плана, ориентирована на нее. Такая же планировка Мирополя — все радиальные улицы города ориентированы на старое укрепление города, ограниченное земляным валом. В плане Переславля-Залесского сохранена овальная форма старого города. Регулярная прямоугольная планировка развернута вокруг него, три улицы ориентированы на входы в земляном валу, для четвертого входа создана диагональная улица в регулярной планировке. Новая планировочная система неиндифферентна к исторической, увязана с ней. Но не только такие единичные градостроительные объекты, пусть и достаточно крупные, сохранились в отдельных случаях в регулярных планировках. В регулярном плане Вологды вся планировка построена на трех развернутых частях, имеющих почти идентичные закономерности построения. В нее органично вошла планировка старого города и кремля. В плане Нежина весь старый город вошел в его центральную часть: его кварталы значительно меньше новых по размеру.

Включение исторических и культовых объектов, сохранившихся от периода до-регулярной планировки городов в регулярные планы, стало важным моментом создания регулярных планировочных систем. Проблема композиционного взаимодействия нового и традиционного стояла остро. Объекты включались в новую планировку, которая часто подстраивалась под них, создавала наилучшие условия их восприятия, подчеркивая их значение в планировочной системе города.

Выделим ряд планировочных приемов включения исторических объектов в новую регулярную планировочную систему (Иллюстрация 4).

— *Создание цельного открытого пространства у важного исторического объекта.* Такое пространство, важное в визуальном и коммуникативном аспектах, вдобавок подчеркивающее ценность и значимость объекта, создано в Ростове Великом вокруг кремля, где новая регулярная планировка города построена по радиальной схеме. В результате одиннадцать улиц, в том числе четыре главных въездных в город, ориентированы на кремль. В полукруглом в плане открытом пространстве вокруг кремля входят восемь церквей, четыре из них находятся прямо в створе улиц. Сходный прием применен в планировке Новгорода Великого: окружающая кремль застройка радиально развернута так, что десять улиц ориентированы прямо

на него. В заречной части города планировка ориентирована на кремль, на него выходит главная улица этой части города.

Историческая зона сохранена в планах Суздаля, Ахтырки, Стародуба. В планировке Юрьева-Польского линейный центр города от въезда ведет к исторической крепости, которая органично включена в прямоугольную регулярную сетку улиц, перед ней создана новая регулярная площадь. Включение исторических планировок в регулярную систему обогащало архитектуру города. Решалась и важная задача сохранения исторических корней города.

Этот прием более распространен. Наряду с ним есть не менее интересные, но реже встречающиеся варианты.

— *Создание диагональных улиц.* Например, для кратчайшего доступа к сохраненным историческим объектам в планировке города Погар диагональные улицы, произвольно разделяющие регулярную планировку, ориентированы на сохранившиеся церкви.

— *Сочетание разных геометрий* в одной планировке, как например в г. Кашин. Г. Я. Мокеев называет этот город «удивительным явлением русского градостроительного искусства», поскольку композиция строится на сочетании формы круга и креста, образованных размещением церквей и монастырей в плане города [10, 328]. Разрушение этой композиции началось уже в XVI в., задолго до регулярной планировки. В 1777 г. проект регулярного плана разработан архитектором И. М. Леймом (1738–1810), сумевшим сохранить в композиции все оставшиеся на тот момент церкви и монастыри (21 объект). В излучине реки создано свободное пространство, в котором размещены монастырь и семь церквей; для семи церквей созданы площади в регулярной планировке, шестнадцать церквей находятся в створе улиц и играют роль доминант застройки: 12 (40%) из 29 улиц ориентированы на здания церквей. Архитектором проведена тонкая и точная градостроительная работа, практически полностью сохранившая кольцевую композицию церковных зданий (Иллюстрация 5).

Заключение

В XVIII в. разработчики новых регулярных планов российских городов проявляли порой невероятную изобретательность в геометрических построениях плана, а в отдельных случаях отказывались от изменения планировки исторически важных элементов, сохраняя их в планировке регулярного города в неизменном виде. Анализ показывает, что это происходило далеко не во всех случаях и зависело от уровня профессионализма архитектора. Идея развития города как целого здесь еще не присутствует либо присутствует на интуитивном уровне, но здравый смысл в совокупности с рационализмом эпохи подсказывают разработчикам, от чего оттолкнуться при создании нового плана. Утверждение этого плана в столице выглядит в большей степени формальностью: утверждаются как умные и зрелые, так и поверхностно-механистические решения.

Богатство планировочных решений регулярных городов России XVIII — начала XIX в. говорит о широких возможностях регулярных прямоугольных планировочных систем, их разнообразии и вариативности при учете ландшафтных и исторических элементов в планировке города. Эти примеры подтверждают мысль А. В. Щусева о том, что свойства любых планировочных систем, в том числе и регулярных прямоугольных, «шахматно-прямоугольных» (по терминологии А. В. Щусева), могут быть эффективно использованы «обладающим художественным чутьем градостроителем» [15, 176]. В других случаях исходные структуры городов (например, плотины в уральских промышленных городах XVIII–XIX вв., ставшие основными транспортными путями и главными улицами), формы

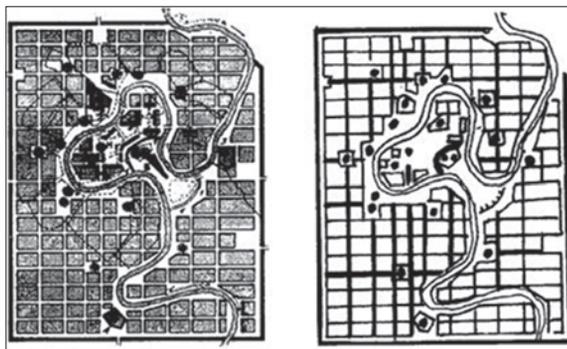

Иллюстрация 5. План города Кашин. Арх. И. М. Лейм. Анализ размещения исторических объектов. Рисунок Г. В. Мазаева. 2021 г.

организации жилой застройки (кварталы соцгородов), сильные центры (торговые районы приволжских русских городов) не могут рассматриваться отдельно от остальной городской ткани, становясь при наличии соответствующих функций, смыслов и ценностей опорными точками планировочной системы, переживающими трансформации разных периодов. Исторические структуры расселения хранят опыт и логику многих поколений создателей городов, забывать о которой или коверкать ее — неправомерно. Эта установка позволяет не рассматривать памятники градостроительства ретроспективно, в оторванности от текущих потребностей места, стратегических планов, коммуникаций, демографии, а интегрировать их в общие процессы развития города. Постановка вопроса о памятниках градостроительства как драйверах развития современных российских городов уводит нас от порою аксиоматической отрицательной оценки наследия как «довеска» к основному проекту или даже фактора, препятствующего его реализации.

Соответственно, довольно часто встречающаяся у современных авторов формулировка об «интеграции нового в существующее» имплицитно содержит в себе неверный посыл о подчинении новому, порой приводит к декоративизму или не вполне последовательной стилизации. Корректнее вести речь о выявлении и развитии (раскрытии) элементов плана города, способных и сегодня решать функциональные и семантические задачи [13]. Это предполагает видение города как развивающейся структуры, каждый отдельный элемент которой, согласно теории сложных систем, несет информацию о целом, как бы концентрирует его в себе. Выводы статьи созвучны идее Альдо Росси, сформулированной им в книге 1966 г.: «Город в своем росте определяется артефактами, он оставляет открытыми множество возможностей и содержит неизученный потенциал. Это не имеет ничего общего с понятием открытой формы <...> скорее предлагает идею прерванной работы» [11, 10]. История российского градостроительства показывает, что прерванная работа может продолжаться, усиливая устойчивость городов.

Список использованной литературы

- [1] Агеев С. А. Сохранение локальных исторических комплексов методами градостроительного регулирования: автореф. канд. дис.: 18.00.04. — М.: МАРХИ, 2005. — 27 с.
- [2] Алексеев Ю. В., Сомов Г. Ю. Объекты культурного наследия: учебник. Т. 1–2. — М.: Проспект, 2016. — 560 с.
- [3] Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. — Л.: Лениздат, 1926. — 256 с.
- [4] Город как социокультурное явление исторического процесса. — М.: Наука, 1995. — 351 с.

- [5] Грац Р. Города в Америке / пер. с англ. В. Л. Глазычева. — М.: О-во развития родной культуры, 2008. — 416 с.
- [6] Историко-архитектурный очерк развития г. Галича // Энциклопедия «Памятники истории и культуры Галича»: [сайт] — URL: <http://galich.enckostr.ru/object/1845295414?lc=ru> (дата обращения: 19.07.2024).
- [7] Касаткина С. С. Урбосфера: системно-семиотический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Архангельск: САФУ, 2019. — 38 с.
- [8] Линч К. Совершенная форма в градостроительстве / пер. с англ. В. Л. Глазычева; под ред. А. В. Иконникова. — М.: Стройиздат, 1986. — 264 с.
- [9] Мазаев Г. В., Мазаев А. Г. Историческое градостроительное наследие «идеальных» городов России // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2014. — № 1. — С. 16–19.
- [10] Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. — 480 с.
- [11] Росси А. Архитектура города. — М.: Strelka Press, 2011. — 153 с.
- [12] Седов В. Памятник архитектуры в России: особенности национального восприятия древности // Speech. — 2008. — № 2. — С. 24–37.
- [13] Сомов Г. Ю. Историческая городская среда: объекты исследования и средства регенерации // Градостроительные проблемы охраны наследия: сб. материалов науч.-практ. конф. НИИТИАГ РААСН / под ред. Э. А. Шевченко. Вып. 2. — М.: Зодчий, 2013. — С. 43–48.
- [14] Тверской А. М. Русское градостроительство до конца XVII века. — Л.; М.: Гос. изд-во лит. по строит. и арх., 1953. — 214 с.
- [15] Шусев А. В. Архитектурная организация города // Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. 1. — М.: Искусство, 1975. — С. 174–179.
- [16] World Heritage City Lab. Integrating Urban Heritage in Urban Planning Processes. Report on the Workshop organized in the context of the 10th Anniversary of the Recommendation on the Historic Urban Landscape / Project Director and Editor: Jyoti Hosagrahar. UNESCO (2022): [сайт] — URL: <https://whc.unesco.org/uploads/events/documents/event-1637-6.pdf> (дата обращения: 13.05.2024).
- [17] Zhang X., Edelenbos J., Gianoli A. Identifying modes of managing urban heritage: Results from a systematic literature review // City, Culture and Society. — 2024. — № 36. — P. 100560.
- Galicha»: [сайт] — URL: <http://galich.enckostr.ru/object/1845295414?lc=ru> (дата обращения: 19.07.2024).
- [7] Kasatkina S. S. Urbosfera: sistemno-semioticheskij analiz: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. — Arhangel'sk: SAFU, 2019. — 38 s.
- [8] Lynch K. Sovershennaya forma v gradostroitel'stve / per. s angl. V. L. Glazycheva; pod red. A. V. Ikonnikova. — M.: Strojizdat, 1986. — 264 s.
- [9] Mazaev G. V., Mazaev A. G. Istoricheskoe gradostroitel'noe nasledie «ideal'nyh» gorodov Rossii // Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN. — 2014. — № 1. — S. 16–19.
- [10] Mokeev G. Ya. Russkaya civilizaciya v pamyatnikah arhitektury i gradostroitel'stva. — M.: In-t russkoj civilizacii, 2012. — 480 s.
- [11] Rossi A. Arhitektura goroda. — M.: Strelka Press, 2011. — 153 s.
- [12] Sedov V. Pamyatnik arhitektury v Rossii: osobennosti nacional'nogo vospriyatiya drevnosti // Speech. — 2008. — № 2. — S. 24–37.
- [13] Somov G. Yu. Istoricheskaya gorodskaya sreda: ob'ekty issledovaniya i sredstva regeneracii // Gradostroitel'nye problemy ohrany naslediya: sb. materialov nauch.-prakt. konf. NIITIAG RAASN / pod red. E. A. Shevchenko. Vyp. 2. — M.: Zodchij, 2013. — S. 43–48.
- [14] Tverskoj A. M. Russkoe gradostroitel'stvo do konca XVII veka. — L.; M.: Gos. izd-vo lit. po stroit. i arh., 1953. — 214 s.
- [15] Shchusev A. V. Arhitekturnaya organizaciya goroda // Mastera sovetsoj arhitektury ob arhitekture. T. 1. — M.: Iskustvo, 1975. — S. 174–179.
- [16] World Heritage City Lab. Integrating Urban Heritage in Urban Planning Processes. Report on the Workshop organized in the context of the 10th Anniversary of the Recommendation on the Historic Urban Landscape / Project Director and Editor: Jyoti Hosagrahar. UNESCO (2022): [сайт] — URL: <https://whc.unesco.org/uploads/events/documents/event-1637-6.pdf> (дата обращения: 13.05.2024).
- [17] Zhang X., Edelenbos J., Gianoli A. Identifying modes of managing urban heritage: Results from a systematic literature review // City, Culture and Society. — 2024. — № 36. — P. 100560.

Статья поступила в редакцию 01.09.2024.
Опубликована 30.09.2024.

Bystrova Tatyana Yu.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (UrFU), Chief scientific officer, Branch of FSBI «CIRD of the Ministry of Construction of Russia» UralNIIProjekt, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: taby27@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-6713-6867

Mazaev Gregory V.

Candidate of Architecture, Professor, Academician of RAACS, Chief researcher, Branch of FSBI «CIRD of the Ministry of Construction of Russia» UralNIIProjekt, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: uro-raasn@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3353-7552

References

- [1] Ageev S. A. Sohranenie lokal'nyh istoricheskikh kompleksov metodami gradostroitel'nogo regulirovaniya: avtoref. kand. dis.: 18.00.04. — М.: MARHI, 2005. — 27 s.
- [2] Alekseev Yu. V., Somov G. Yu. Ob'ekty kul'turnogo naslediya: uchebnik. T. 1–2. — М.: Prospekt, 2016. — 560 s.
- [3] Anciferov N. P. Puti izucheniya goroda kak social'nogo organizma. — L.: Lenizdat, 1926. — 256 s.
- [4] Gorod kak sociokul'turnoe yavlenie istoricheskogo processa. — М.: Nauka, 1995. — 351 s.
- [5] Grac R. Goroda v Amerike / per. s angl. V. L. Glazycheva. — М.: О-во razvitiya rodnoj kul'tury, 2008. — 416 s.
- [6] Istoriko-arhitekturnyj ocherk razvitiya g. Galicha // Enciklopediya «Pamyatniki istorii i kul'tury